

Игорь МАЛЫШЕВ

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Рассказ

Ничего нового. Подростковая любовь — простая, как дыба, и забываемая, как шрам.

Мы идем из школы. Мы в ссоре, поэтому идем по разным сторонам улицы. Мне на встречу твоя мама. Она строгая. У нее в девяностых была своя фирма по продаже цветов. Фирма в девяностых. Мне кажется, это многое говорит о твоей маме.

В нулевые, когда, бандитский беспредел, казалось бы, пошел на убыль, она внезапно ушла в школу. Работать по специальности. Сейчас ты и я учимся в школе, где она директор.

Ты такая гнида, что пробы ставить негде. Ты обожаешь драться. Но дерешься только с самыми сильными парнями школы. Тебе плевать, насколько они старше, выше и тяжелее тебя. Для тебя победа только та, когда ты побеждаешь там, где, казалось бы, и победить нельзя.

У меня нет мамы на «мерседесе», в нашей семье никогда не было машин. Мы «нищebroды». Но я пою в группе и, когда меня задевают, дерусь, как кошка. Не оставляя ни соперникам, ни соперницам ни шанса. Нет, меня не боятся, со мной не связываются.

Я не смотрю на тебя. Отвернулась и смотрю на твои отражения в стеклах витрин. Вижу твой аккуратный затылок. А в витринах на другой стороне вижу твое лицо. Красивое, тонкое. Ненавижу.

Сюрприз. Твоя мама. Собрана, настроена по-боевому. Иногда мне кажется, что она может спиной отразить поток напалма, а шепот ее сверлит гранит.

Она не видит тебя, но ты-то ее видишь. Останавливаешься, смотришь одним глазом, второй закрыт хамской челкой.

- Тебя не было на химии, — говорит мне твоя мама.
- Вранье, — возражаю я.
- Мне звонила химичка.
- Ее не было в классе первую половину урока, меня — вторую. Мы просто не совпали. Но по факту мы оба были на уроке.
- Есть в тебе какая-то абсолютно адская изворотливость.
- Я змея по китайскому календарю.
- Да, ты скользкая.
- Химичка тоже змея. На двадцать четыре года старше меня, до сих пор не замужем.

Игорь Александрович Малышев — писатель, поэт. Публиковался в журналах «Новый мир», «Москва», «Дружба народов», «Юность», «Волга», «Нева» и др. Автор книг «Лис», «Дом», «Там, откуда облака», «Театральная сказка», «Номах», прозаического переложения «Песни о нибелунгах». Финалист литературных премий «Большая книга», «Ясная Поляна», «Русский Букер» и др.

Ты на той стороне открываешь рюкзак и достаешь пневматический пистолет. То, что он пневматический, я знаю от тебя самого. Едва слышный хлопок, на который твоя мама даже не обращает внимания. А вот я обращаю. Потому что в голени вдруг возникает точка, горячая-горячая, огненная, так что судороги идут по телу.

— Тебе холодно? — «мама» сменяет «директора».

— Нет, — как можно шире и лучезарней я открываю глаза. — Чудесная погода.

— Лицо у тебя какое-то...

Еще один еле слышный хлопок, и, все в той же голени, моей крепкой, как бронзовая отливка, возникает еще одна огненная точка, от которой идут по телу, загорелому, родному, волны-судороги.

Я еще шире открываю глаза.

— Математичка сказала, что тоже недовольна тобой, — замечает твоя мама.

— Вы никогда не думали, что она просто дура?

Она взрыкнула пантерой:

— Не смей так говорить об учителях.

— Но...

— Да, она реально тупая старая вешалка...

Мы смотрим друг на друга с полным пониманием.

— Но так нельзя говорить об учителях.

— Чего я не хотела бы, так это быть вашей снохой. У вас такой разрыв меж тем, что следует и что честно...

Лицо ее каменеет.

Хлопок. В кисть мне вонзается что-то острое, как бесконечно длинная игла, и она движется через мою ладонь. Долго-долго, медленно-медленно.

— Ты просто мелкая хамка.

— Вы правы в обоих определениях.

Я прячу руки за спину и выковыриваю из кисти шарик. Отираю его и прячу в ладони.

— Конечно, я в курсе о романе моего сына с тобой.

— Вся школа в курсе.

Она долго и с интересом смотрит на меня.

— Как ты полагаешь, ты дрянь?

— Еще какая.

— Давай без этих подростковых перегибов.

— В основном, конечно, дрянь.

Я смотрела ей в лицо детскими глазами, а правой рукой пытаюсь встроить извлеченный шарик обратно и тут же снова выковыриваю его.

— Мои родители развелись, когда мне было пять. Я учусь в школе на окраине, куда вообще непонятно как попал ваш сын-мажор.

— Он попал сюда потому, что у меня жесткий характер. Меня выжили из двух школ в центре.

— Характер у вас действительно «не дай бог».

— С..., — со смесью ненависти и отчего-то уважения произносит она.

Я делаю несколько шагов дальше по улице, но разворачиваюсь и подхожу к ней, все еще стоящей неподвижно.

— Вот.

Я кладу в ее ладонь шарик с медным, теплым-теплым, цвета сияния ламп в старинных телевизорах, напылением.

— Это вам.

Не желая смотреть, как она выбросит его, разворачиваюсь и решительно ухожу.

Вскоре ты догоняешь меня.

Приблизившись, смотришь с безграничным уважением.

— Ловко, ловко. Матушка аж потерялась. А такого с ней даже я сотворить не могу.

— Пистолет покажи.

— Что, больно было?

Я очень неопределенно улыбаюсь.

Ты вытаскиваешь из кармана черный, чуть угловатый и оттого красивый пистолет.

— Можно? — кладу я руку на ствол.

— Не-е-ет, — улыбаясь, качаешь ты головой, но тут я бью тебя коленом меж ног, ты вскрикиваешь и с лицом, из которого словно бы разом убрали кости, оседаешь на снег.

Я стреляю несколько раз тебе в бедро. Все теми же шариками с медным напылением. Потом приставляю к одному твоему уху пистолет, а в другое шепчу:

— Домой. Ни в больницу, ни к частному врачу. Домой. Чтобы мама все видела. Можешь врать, что хочешь, но чтобы мама все видела.

Я кручу стволом в твоем ухе, целую в губы. Ты отвечаешь слабым движением на встречу. Слабым, наверное, потому, что сложно думать о чем-то светлом и глубоком, если тебе только что выстрелили в бедро из пневматика.

Я знала, ты не пойдешь в полицию.

Твоя мать, рассказал ты потом, вытащила пинцетом все шесть дробинок. Долго рассматривала их, катая на ладони. Добавила к ним еще одну и перемешала. Не смогла отличить ни по цвету, ни по размеру.

Она сложила два и два и произнесла:

— Сыночка, если ты не женишься на ней, поверь, станешь самым несчастным человеком на земле. И я убью тебя своими собственными руками.